

ЕНИСЕЙСКІЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Еженедѣльный церковно-общественный журналъ.

Подписка принимается въ редакціи: г. Красноярскъ, Воскресенская ул., д. Покровской церкви.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой **пять р. 50 к.**

Страничка изъ миссіонерскаго дневника.

Въ іюнь мѣсяцъ прошлаго года мнѣ представился случай побывать съ миссіонерскою цѣлью въ районѣ Перовской волости, Канскаго уѣзда. Какъ сейчасъ представляю себѣ окружавшую меня тогда мѣстность, богато надѣленную разнообразными дарами сибирской природы.

По мѣрѣ движенія на югъ, картины постоянно смѣнялись, то передъ взоромъ открывалось широкое необъятное поле сплошь песенное разнообразной формы и величины, но въ правильныхъ линіяхъ, крестьянскими пашнями, то взоръ отдыхалъ на зеленомъ полѣ съ тучной, сочной, іюньской травой, съ разнообразными, душистыми цвѣтами, наполнявшими воздухъ своимъ нѣжнымъ ароматомъ, то, наконецъ, переѣздъ совершался по узкой аллеѣ березовыхъ рощъ, по вдали на югъ взоръ упирался въ темную синеву сибирской тайги. Тамъ цѣль, думалъ я, моей поѣздки... Черезъ два дня я уже ѣхалъ по тряской и узкой лѣсной дорогѣ, утопая въ глубь шумящихъ надо мною гигантовъ пихтъ и лиственницъ...

Подъ тѣнью деревьевъ мнѣ здѣсь, въ жаркій іюньскій день, дышалось свободно и легко, но не то было на душѣ...

Передъ моимъ воображеніемъ, какъ бы невидимая рука начертывала Евангельскія слова той молитвы Христа Спасителя, которую онъ излилъ въ порывѣ чувствъ къ небесному Отцу Своему предъ Своими крестными страданіями: „Отче, молю Тебя о всѣхъ вѣрующихъ въ Меня—да будутъ все едино. Да будетъ едино стадо и одинъ пастырь“.

Я вдумывался въ содержаніе этихъ простыхъ словъ и мнѣ становилось горько и больно за дѣйствительность.

О комъ такъ горячо молился Страдалецъ Христосъ? спрашивалъ я... Сказано „за вѣрующихъ въ Него!... Мы вѣрующіе, слѣдовательно, за всѣхъ насъ христіанъ... За всѣхъ христіанъ, разбросанныхъ судьбой по всей землѣ, а, въ частности, за всѣхъ насъ русскихъ людей отъ временъ равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтившихся Святымъ Крещеніемъ. Но какая горькая дѣйствительность? Какое противорѣчіе?.. Сказано „да будетъ едино стадо и одинъ пастырь“, а, между тѣмъ, сколько христіанскихъ вѣроисповѣданій, враждебно взаимно исключаящихъ; сколько, наконецъ, въ нашемъ русскомъ народѣ, въ этой единой русской семьѣ различныхъ подраздѣленій, появившихся, сравнительно, съ недавняго времени: цѣлыми сотнями тысячъ насчитывается послѣдователей старообрядчества, десятками тысячъ различныхъ категорій сектантовъ,—враждебность и фанатизмъ которыхъ, доходящій иногда до крайнихъ предѣловъ, свили прочное себѣ гнѣздо въ отношеніяхъ послѣднихъ къ православной церкви. Сотни тысячъ людей отвернулись отъ вѣры православной, измѣнивъ свои религіозныя убѣжденія, утративъ вмѣстѣ съ тѣмъ и національность и русскій строй жизни. Тяжело было сознавать, что въ дѣйствительности существуетъ такая мрачная страница въ исторіи нашей русской православной церкви, но фактъ остается фактомъ...

Я подѣзжалъ къ Умбежскому участку. Мой ямщикъ, старообрядецъ, оказался словоохотливымъ человѣкомъ и въ данный моментъ первый прервалъ мое продолжительное молчаніе, указавъ на видѣвшіяся сквозь гущину таежнаго лѣса новенькія крыши домовъ. Онъ ознакомилъ меня, что въ этомъ участкѣ живутъ все старообрядцы, а православныхъ не больше двухъ—трехъ семей...

Черезъ четверть часа мы въѣхали во дворъ новенькаго крестьянскаго дома... Никого изъ обитателей не было видно... Я вошелъ въ домъ... Здѣсь я встрѣтилъ женщину среднихъ лѣтъ, съ большими подпухшими вѣками глазъ, которая, какъ мнѣ казалось, не хотѣла замѣтить моего прихода и на мое привѣтствіе отвѣчала молчаніемъ. Однако, я намѣренъ былъ кое о чемъ разспросить эту обитательницу такого захолустнаго темнаго мѣстечка, какимъ представился мнѣ участокъ Умбежъ.

Меня поражало изъ обстановки этого мѣстечка и то: дремучій лѣсъ, — сколько было, думалъ я, положено этими обитателями изнурительнаго тяжелаго труда для того, чтобы очистить здѣсь небольшую площадку для заселка; сколько было другихъ неудобствъ, которыя пришлось имъ устранить для того, чтобы сколько нибудь новый заселокъ удовлетворялъ бы требованіямъ крестьянскаго обихода.

Я сдѣлалъ хозяйкѣ дома нѣсколько вопросовъ, касающихся условій ихъ жизни...

Но не сразу заговорила со мной эта женщина...

Да и отвѣты ея на мои вопросы были скорѣе грубы и рѣзки, какъ будто бы она видѣла предъ собой какого-нибудь ненавистнаго ей человѣка.

Хотя я такому отношенію ко мнѣ этой женщины не удивился, зная отношенія вообще старообрядцевъ къ православнымъ, однако, мнѣ было больно и тяжело...

Изъ отвѣтовъ ея можно было судить, что жизнь обитателей этого участка вообще не легка, трудно дается имъ борьба съ природой: пахать негдѣ, скота выгнать некуда, въ огородахъ ничего не растетъ — ужъ больно сыро, къ звѣроловству не привычны. Да, это, очевидно, отразилось и на домашней обстановкѣ жителей Умбежа: все было здѣсь бѣдно, пусто и не устроено...

Въ домѣ, оказывается, были мы не одни: изъ смежной комнаты, чрезъ нѣкоторое время, вышли дѣвочка лѣтъ девяти — десяти, а потомъ взрослая дѣвица и еще молодая женщина, и всѣ онѣ были угрюмы и недоступны...

Однако, несмотря на это, я обратился къ одной изъ нихъ съ просьбой, дать мнѣ что нибудь напиться и вотъ тутъ-то я столкнулся съ обстоятельствомъ, свидѣтельствующимъ о той пропасти, которая лежитъ между старообрядцами и православными, въ сущности, братьями во Христѣ.

Я услышалъ отвѣтъ:

— „А у тебя есть посуда? проѣзжающіе у насъ

возять свою посуду“...

Чашка у меня къ счастью нашлась, и я утолилъ мучившую меня уже давно жажду...

Это вѣковая вражда, думалъ я, братьевъ во Христѣ..

Время не разсѣяло эту вражду: мало, очевидно, помогали и тѣ мѣры, какія предпринимались для умиротворенія... А много положено было труда и энергій, но все это, чувствуется, скатилось, какъ съ камня вода... Много было, и сошло уже въ могилу, славныхъ, честныхъ ратоборцевъ за вѣру Христову!...

Миръ праху вашему, святые труженики!

Миссіонеръ, священникъ *Иннокентій Орфеевъ*.

Что намъ нужны земли и воли?

Земля любитъ трудъ, а воля даетъ счастье только тому, у кого есть разумъ и доброе сердце. Земля безъ труда становится безплодною пустынею, а воля для безумца есть оружіе, которымъ онъ самъ себя снесетъ голову, а для злого — мечъ, которымъ онъ будетъ терзать другихъ. Есть у насъ одна величайшая роковая напасть, которая лишаетъ насъ разума, вытрапливаетъ природное доброе русское сердце, уничтожаетъ любовь къ труду и дѣлаетъ презрѣнными лѣтями. Пьянство!.. вотъ наша роковая напасть, вѣковѣчное бѣдствіе! Отчего ты разорилась, наша бѣдная многострадальная деревня? Отчего поля твои дѣлаются безплодными? Что болѣе всего портитъ и безобразитъ всякаго изъ насъ? Все оно — это наше общерусское горе — пьянство. И какое сословіе отъ него свободно? Въ какихъ слояхъ общества нѣтъ этого зла? — А гдѣ оно появится, тамъ всему хорошему конецъ. Конецъ всякой работѣ, конецъ благоразумію, конецъ благополучному теченію жизни, конецъ семейному счастью, конецъ здоровью, конецъ имуществу. На что годець пьяный крестьянинъ? Что онъ дастъ своей семьѣ, своей деревнѣ? — Разореніе, развратъ, гибель. Что собою представляетъ пьяный фабричный? Какія торговля дѣла можетъ вести пьяный купецъ? Какое управленіе у запойнаго начальника? Что сказать о пьяномъ... священникѣ?.. Боже!.. Вѣдь все это одинъ сплошной ужасъ, ужаснѣйшій всякаго горя. Все это люди, отравленные тѣмъ страшнымъ ядомъ, который гонитъ людей на преступленія, наполняетъ остроги, заражаетъ всякими болѣзнями и отравляетъ до третьяго и четвертаго рода. И этого яда у насъ на Руси выпиваются миллионы ведеръ. Одной водки, говорятъ, выпивается восемьдесятъ миллионовъ ведеръ въ годъ! Прибавьте къ этому поддѣльные и настоящіе виноградныя вина, коньякъ, ликеры, пиво... и получится

то бурное и мертвящее море, въ которомъ погибають милліоны людей. И что всего ужаснѣе, такъ это то, что пьянство, особенно въ послѣднее время, значительно усиливается.

„Несмотря на всеобщее и повсемѣстное обвиненіе, — пишутъ въ газетѣ „Свѣтъ“, — несмотря на голодъ, охватившій въ этомъ году многія губерніи, — какъ сообщаетъ Министерство финансовъ, потребление хлѣбнаго вина за послѣднее время увеличилось почти въ полтора раза сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Говорятъ, русскій человѣкъ пьетъ съ горя: велико оно было въ прошломъ году, — но теперь стало его въ полтора раза больше, если онъ выпилъ въ полтора раза больше.“ Въ полтора раза увеличилось число жертвъ алкоголя со всѣми послѣдствіями отравленія этимъ ядомъ. До чего дошла зараза алкоголизма въ натурѣ русскаго человѣка, до какого отупѣнія мы дошли, можно судить, между прочимъ, по слѣдующему сообщенію „Нов. Времени“: А. Суворинъ въ своихъ «Маленькихъ писемъ» передаетъ: „съ 1 іюля 1904 г. по 1 іюля 1905 г. Тульская губернія пропила 5 милліоновъ рублей. Съ 1 іюля 1905 г. по 1 іюля 1906 г. она числилась въ числѣ голодающихъ, получила пособія отъ казны 1 милліонъ 200 тысячъ рублей. Въ это же время, т. е. съ 1 іюля 1905 г. по 1906 г. она пропила 6 милл. 200 тысячъ рублей, на 1 милл. 200 тыс. болѣе предыдущаго года, т. е. пропила, сколько пропивала раньше, и сверхъ того еще пропила почти все казенное пособие, выданное на хлѣбъ по случаю голода!!! Пропить 6 милл. 200 тыс. во время голода! пропить въ томъ числѣ 1 милл. 200 тысячъ казеннаго пособія, выданнаго умирающимъ съ голода! Надо же одичать до такого алкогольнаго состоянія. Ужасно, когда пьяница пропиваетъ послѣдній кусокъ хлѣба у голодной семьи. Но что сказать, когда цѣлая голодная губернія пропиваетъ милліоны во время голода, пропиваетъ милліоны, выданные ей изъ казны, чтобы не умереть съ голоду?! Шесть милліоновъ!! Въдь ихъ въ одинъ день на простой водкѣ не пропьешь. Или цѣлый голодный годъ. И никто не обратилъ на это вниманія. Такъ и допустили пропить эти милліоны. Какого же возрожденія и обновленія ждать нашей несчастной родинѣ, когда въ ней цѣлая губернія допились до такого безумія! Не даромъ же такъ возрастаетъ и прогрессируетъ преступность, и не только количествомъ преступленій, но въ особенности ихъ качествомъ, особенно дерзкимъ и злымъ ихъ характеромъ. Не надо забывать, что всѣ наши бунты, въ большинствѣ, совершаются наспиртован-

ными бандами, — все это нравственное одичаніе и отупѣніе есть продуктъ алкогольной культуры.

Итакъ дайте вамъ прежде всего трезвость; она нужнѣе всего. Никакія аграрныя и общественныя, и государственныя реформы не дадутъ намъ счастья, если мы по прежнему будемъ тонуть въ отвратительной клоакѣ алкоголизма. Вотъ на что должно быть обращено самое усердное и серьезное вниманіе всѣхъ, для кого дорого отечество. Много обѣщала винная монополія, но при ней не ослабѣло, а возросло и усилилось питейное зло. Выступившее на борьбу съ пьянствомъ. Попечительство о народной трезвости съ его многими губернскими и уѣздными комитетами, имѣющее въ своемъ распоряженіи на эту борьбу ежегодно сотни тысячъ акцизной прибыли, устраиваетъ и содержитъ народныя чайныя, бібліотеки, спектакли и т. под. Но все это, несмотря на громадныя затраты, оказалось настолько ничтожнымъ, что, кажется, ни на іоту не содѣйствовало народному отрезвленію. Нѣтъ! однимъ чайкомъ, да народными развлеченіями никогда не побѣдишь такого ужаснаго врага, какъ укоренившееся, разросшееся роковое зло пьянства.

Пусть всю нашу многострадальную родину охватитъ союзъ ревнителей абсолютной трезвости. Пусть всѣ общества трезвости соединятся во единую, сильную духомъ армію. Она безъ милліоновъ будетъ сильна одолѣть страшнаго врага. Если одинъ отецъ Александръ въ Петербургѣ собралъ около себя 70 тысячъ трезвенниковъ, то если бы у насъ нашлось десять такихъ праведниковъ, они спасли бы отечество.

Итакъ, молитесь Господину жатвы, да изведетъ дѣлателей на жатву Свою“. (Кормчій).

А наши молодые силы, — выходящія изъ духовной школы, находятъ, что въ деревнѣ священнику дѣла нѣтъ, или дѣло это не важное, не великое, не полезное!

Весь „свѣтъ“ тамъ, въ университетахъ, на поприщахъ адвокатскомъ, врачебно-медицинскомъ, инженерномъ и др. Что говорить, поприща „широкія“ и оклады даютъ жирные. Прийти же на помощь родному деревенскому люду, дичающему отъ алкогольнаго вырожденія трудно. Тутъ въдь и „дѣла нѣтъ“, профессія не „либеральная!“ Гдѣ онъ, молодой идеализмъ у современной молодежи?

Кстати, по поводу того же всенароднаго пьянства, что царить на Руси, была произнесена на недавнемъ все-россійскомъ съѣздѣ октябристовъ блестящая рѣчь г. Челышевымъ, на которую стоитъ обратить вниманіе.

— „Мы переживаемъ ужасное время, котораго не

запомнить исторію,—говорилъ ораторъ —Россія вышла съ торжествомъ изъ ряда великихъ испытаній, а теперь вдругъ начинаетъ теряться. Насъ опонли... Въ народѣ заглушили патріотизмъ, его отбили отъ хозяйства, рѣшили осилить пьянствомъ. Въ душу народа не считаютъ нужнымъ заглянуть; крестьяне не знаютъ самыхъ необходимыхъ вещей, а казенная продажа вина достигаетъ 700 мил. въ годъ по казенной цѣнѣ. За эти деньги многое могъ бы приобрести народъ... Милліоны стоятъ рабочіе дни; одного года трезвости народной хватило-бы на четыре года войны съ Японіей. Народъ тратитъ по десять рублей на душу, на эти деньги даютъ 300 полубутылокъ. Какая земельная реформа можетъ спасти народъ, который поголовно пьянъ или съ похмѣлья. Сколько бы вы ни прирѣзывали земли, все равно ничего не выйдетъ. Самарская губернія тратитъ на пьянство 1 мил. 700 тыс. р.; на крестьянской земли въ этой губерніи 5 милліоновъ десятинъ, которыя не могутъ стоить дороже 200 мил. руб.; на пьянство истрачено куда больше.

Цѣлое государство — Турція не могла намъ выплатить въ теченіе 25 лѣтъ 300 мил. р.; а одна Самарская губернія за это время истратила больше на водку.

Послѣ брѣвостного права наборъ давалъ богатырей, а теперь съ каждымъ годомъ наборъ все ниже и ниже; съ такимъ народомъ, какой теперь набирается—воевать нельзя. Въ коренной Россіи народъ и то вымираетъ, между тѣмъ, по свидѣтельству земскихъ врачей, при прекращеніи пьянства число больныхъ сократится до 75 процентовъ. А откуда встрѣчающійся теперь повсюду излишекъ рабочихъ—масса, такъ называемыхъ, безработныхъ?

Для улучшенія настоящаго положенія, прекращенія революціи предлагаютъ не мало средствъ. На нашъ взглядъ, одна изъ насущнѣйшихъ реформъ—сдѣлать человѣка трезвымъ. Еще недавно народъ не говорилъ ни о какихъ реформахъ, а просилъ только, чтобы въ деревнѣ не было кабака.

Мы въ тридцать разъ бѣднѣе другихъ, а пьемъ вровную. Говорятъ, что нуженъ доходъ государству, но развѣ можно основывать свой доходъ на народной нищетѣ; это равносильно, если бы мать продавала свою дочь. Не будь пьянства, не было бы погромовъ, преступленій.

О громадномъ вліяніи пьянства можно много сказать: оно развращаетъ, унижаетъ людей, доводитъ ихъ до нищеты, создаетъ новыя сословія—въ городахъ босяковъ, а въ деревнѣ «старыхъ чертей» — какъ называютъ теперь дѣти отцовъ и матерей“.

Среди причинъ, вызывающихъ и не препятствующихъ пьянству, ораторъ останавливается на разобщенности церкви и народа.

—„Церковь спитъ; если бы у нея былъ глава, народъ не пошелъ бы слушать на улицу пропаганду. Въмѣсто патріарха—у насъ Святѣйшій Синодъ, а во главѣ его сегодня оберъ-прокуроръ, а завтра полицій-мейстеръ. Школа также разобщена съ жизнью: панимая прислугу, пастуха—мы справляемся, кто и что они, а, ведя дѣтей въ школу, развѣ мы освѣдомляемся, каковы въ ней учителя. А эти учителя зачастую не хотятъ знать душу мальчика, они считаютъ простую и искреннюю вѣру—предразсудкомъ и не понимаютъ и не воспитываютъ дѣтей.

Съ пьянствомъ нужна прямая, открывая, рѣшительная борьба, иначе великій народъ измельчаетъ, погибнетъ“...

Челышева заль все время прерывалъ аплодисментами, а по окончаніи рѣчи ему устроили шумную овацію.

Это безусловно крупный ораторъ-самородокъ, поражающій образностью выражений, неожиданными сравненіями, увлекающій и заставляющій вѣрить въ народную силу. При рѣчи Челышева невольно вспоминались бездарныя, монотонныя выступленія думской лѣвой.

(„Н. В.“).

Лѣтопись церковной и общественной жизни.*)

Лѣтопись нашихъ дней—тяжелая, страшная лѣтопись, это сплошной мартирологъ, уголовная хроника, перечень убійствъ, звѣрствъ, насилій, издѣвательствъ, которыми сплошь заполнилась несчастная русская жизнь. Извѣстія одно другого мрачнѣй, безотраднѣй. Вотъ, напри- мѣръ, читаемъ сообщеніе,—не какое-нибудь, тщательно проверенное, официальное.

Одесса. „Около полуночи 25 мая на Бульварный участокъ Ланжерона доставленъ израненный, привезенный неизвѣстными злоумышленниками на берегъ, гдѣ на крики раненаго сбѣжались городской и другіе люди. На берегу Ланжерона найдена разбросанной одежда раненаго. При допросѣ слѣдственной властью, раненый назвался Черпиговскимъ мѣщаниномъ Мельниковымъ, 18 лѣтъ, православнымъ, принадлежащимъ союзу русскихъ людей. По показаніямъ Мельникова, обстоятельства дѣла представляются въ слѣдующемъ видѣ: нѣсколько ранѣе, до 21 мая, Мельниковъ, сидя на бульварѣ, слышалъ, какъ три молодыхъ еврея, увидавши вышедшаго на балконъ дворца генерала Каульбарса, стали его поносить, называя кровопійцей, за что Мель-

*) № былъ набранъ, когда пришло отъ 3 іюня извѣстіе о роспускѣ Г. Думы. Избирательный законъ будетъ измѣненъ. 3-я Дума соберется къ 1 числу Ноября.

никовъ ударилъ одного еврея по лицу. Въ ночь на 24 мая Мельниковъ заманенъ и захваченъ на Ланжеронѣ шестью неизвѣстными евреями, которые, связавъ его, положили въ лодку, завязавъ глаза; затѣмъ Мельникова провезли моремъ къ неизвѣстному мѣсту, принесли въ землянку, гдѣ подвергали въ теченіе сутокъ истязаніямъ: рѣзали пожему кожу на спинѣ, груди и ногахъ, вырывали на головѣ волосы, вырѣзали на ногѣ буквы Б. О. С. Р.*) и объявили смертный приговоръ чрезъ повѣшеніе; падѣвъ на шею петлю, завернули раздѣтаго Мельникова въ простыню, на которой наклеенными бумажными буквами краснаго цвѣта изображена надпись: „за открытую вражду къ боевой организаціи, преданность кровопійцѣ Каульбарсу; пойманъ 24 мая 1907 г.“ Затѣмъ Мельникова повезли въ ночь на 25 мая въ лодкѣ на другое мѣсто берега, чтобы повѣсить. При высадкѣ Мельниковъ опустил повязку съ глазъ, увидавъ таможеннаго солдата и закричавъ, кинулся къ нему, неизвѣстные злодѣи испугались, сѣли въ лодку и скрылись отсюда. Мельниковъ доставленъ въ участокъ, теперь находится въ военномъ госпиталѣ на излѣченіи. Производится энергичное разслѣдованіе для выясненія личности злоумышленниковъ и привлеченія ихъ къ отвѣтственности“

Вотъ вамъ одинъ сюжетъ, иллюстрирующій „неприкосновенность личности“. Застѣнокъ и пытка. Однако, что случилось съ „людьми“, ихъ совѣстью, честью, наконецъ, просто здравымъ смысломъ?

Рядомъ находимъ такое извѣстіе:

Москва. „Въ церковь имѣнія Медвѣдниковой, Звенигородскаго у., во время службы вошли восемь вооруженныхъ, принялись грабить драгоценности на образахъ. Богомольцы подняли тревогу, заперли двери. Грабители стрѣляли въ богомольцевъ, наносили удары кинжалами. Убитъ псаломщикъ, ранено семеро крестьянъ“.

Обратите вниманіе — „во время службы“, днемъ, при всѣхъ, въ святомъ мѣстѣ грабежъ, пролитіе крови, убійство....

Это кошмаръ, похоже на сказку? О, если бы *это* и *такое* было *только* сказкой, а не дѣйствительностью нашей русской жизни! И *такія* извѣстія каждый день, со всѣхъ концовъ нашей родины.

Да, что случилось съ людьми и ихъ совѣстью? И при чемъ тутъ великое, святое понятіе свободы?

Теперь изъ области духовныхъ сферъ. Недавно въ *Цензѣ убитъ ректоръ* духовн. семинаріи арх. Ни-

колай скрывшимся молодымъ человѣкомъ. Въ *Тифлисѣ убитъ* инспекторъ семинаріи. Преступники — исключенные семинаристы — пойманы. Въ *Вяткѣ* семинаристы издѣвались надъ святыми иконами, раскололи ихъ, выбросили изъ комнатъ. Еще изъ Вятки сообщаютъ:

„Въ городѣ и уѣздахъ производятся полиціей обыски и аресты, вызванные беспорядками въ духовной семинаріи; арестуются преимущественно семинаристы за принадлежность къ всероссійскому семинарскому союзу и къ центральному комитету союза, революціонная литература котораго недавно была найдена въ алтарѣ семинарскаго храма.**) Всего препровождено въ тюрьму до 20 семинаристовъ, изъ которыхъ чуть-ли не половина III класса въ возрастѣ 16—17 лѣтъ;**) въ числѣ арестованныхъ оказался, между прочимъ, и сынъ члена Г. Думы отъ нашей губерніи священника о. Оеодора Тихвинскаго, воспитанникъ III класса семинаріи, принимавшій участіе въ дѣятельности центрального комитета, а также и предсѣдатель этого комитета — тоже ученикъ III класса. Аресты и обыски въ семинарскомъ общежитіи производили помощникъ уѣзднаго исправника Зубаревъ и помощникъ полицейскаго пристава Вавиловъ. На другой день послѣ обысковъ, въ ночь на 10 мая, эти лица подверглись вооруженному нападенію въ загородномъ саду, гдѣ находились по обязанностямъ службы. Четыре молодыхъ человѣка напали на Зубарева и Вавилова, произвели въ нихъ восемь выстрѣловъ изъ браунинговъ и тяжело ранили обоихъ. Перекинувшись затѣмъ черезъ ограду сада, юные злоумышленники скрылись по направленію къ духовной семинаріи, находящейся у насъ за городомъ. Вскорѣ послѣ этого семинарія была оцѣплена полиціей, причемъ по провѣркѣ живущихъ въ общежитіи семинаристовъ двоихъ изъ нихъ не оказалось дома, несмотря на позднее ночное время.

Нѣсколько семинаристовъ въ Вяткѣ отправлены въ тюрьму“. „Впередъ и выше! — питомцы духовной школы“.

„Впередъ и выше!“

Преосвященный Иннокентій, епископъ тамбовскій, написалъ въ «Колоколѣ» слѣдующее письмо:

«Депутатъ Г. Думы, священникъ Тихвинскій въ своемъ письмѣ на имя высокопреосвященнаго митрополита с.-петербургскаго Антонія упоминаетъ о моей бесѣдѣ съ 4-мя депутатами-священниками, вызванными 14 мая къ его высокопреосвященству для объявленія имъ указа Святѣйшаго Синода. Эту бесѣду я велъ въ присутствіи владыки митропо-

*) Подъ жертвенникомъ. Обнаружилось въ страстную субботу при перемѣнѣ черныхъ одеждъ на бѣлыя.

**) Обратите вниманіе на классъ.

*) Боевая организація социалистовъ-революціонеровъ.

лита и протопресвитера Янышева, о ней о. депутатъ обѣщаетъ сообщить «*послѣ*», «*когда-нибудь*», «*при случаѣ*».

Чтобы „*послѣ*“ эта бесѣда не была искажена и «*при случаѣ*» не получила превратнаго толкованія и односторонняго освѣщенія, нахожу необходимымъ огласить слова, сказанныя мною о. Тихвинскому, *теперь же*, такъ какъ ничего таинственнаго въ нихъ не было.

1) О. Тихвинскому я замѣтилъ, что трудовую группу, отъ лица которой онъ говорилъ въ Г. Думѣ рѣчь о полевыхъ судахъ, я считаю революціонною, а рѣчь его, въ которой онъ называетъ убійства совершаемыми «во имя Божіе», почитаю кощунственной, оскорбляющей это Божіе имя.

2) По поводу выступленій священника Тихвинскаго противъ правительства я сказалъ ему: сегодня, 14-го, если бы пришлось вамъ, о. Феодоръ, совершать молебенъ благодарственный по поводу коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, то въ ризѣ и епитрахили вы прочитали бы молящимся съ вами въ назиданіе слѣдующія слова: «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога». А на слѣдующій день, уже снявши ризу и епитрахиль, вы выступите въ Г. Думѣ съ горячей рѣчью о негодности власти, о произволѣ и насиліи ея, объ убійствахъ, чинимыхъ ею и т. д. Однимъ и тѣмъ же языкомъ своимъ въ храмѣ вы, какъ священникъ, призывали бы пасомыхъ къ повиновенію власти, а въ Думѣ—къ возстанію противъ нея. Понятно ли вамъ, о., это раздвоеніе ваше, этотъ трагизмъ вашего положенія, какъ пастыря и какъ общественнаго дѣятеля.

3) О. Колокольникову на его заявленіе, что онъ останется «лѣвымъ безпартійнымъ», я возразилъ, что въ этихъ словахъ чувствуется противорѣчіе, они походятъ на то, какъ если бы кто-нибудь назвалъ *огонь холоднымъ*.

Русская печать.

Дума и политическія убійства. 15 мая, неожиданно, въ засѣданіи, когда сильнѣйшіе ораторы правыхъ отсутствовали въ Думѣ [представлялись Государю], былъ поставленъ вопросъ о политическомъ террорѣ. Правые выслали двухъ ораторовъ, профессоровъ—Рейна и Капустина, которые въ горячихъ рѣчахъ призывали Думу осудить политическія звѣрства. Дума, однако, большинствомъ, которое составили кадеты, поляки, мусульмане и лѣвые, предложеніе отклонила. Политическіе убійцы могутъ орудовать во всю! Дума ихъ наполовину хвалить, наполовину не осуждаетъ... Интересно, что кадеты мотивировали свое постановленіе недостаткомъ времени, „кромѣ всего другого.“

Чѣмъ же занята Дума? Талантливая извѣстная писательница С. Смирнова такъ пишетъ по этому поводу:

„Какъ Дума занята, мы за 2¹/₂ мѣсяца ея работы видѣли. У нея лежатъ сотни законопроектовъ. Чѣмъ же она занимается? Разговорами о томъ, кого насильно обрили въ Акатуевской тюрьмѣ, сколько получаютъ тайные совѣтники, о томъ, что чиновники отростили себѣ пуза, попы ходятъ въ хорошихъ шубахъ, помѣщики пьютъ шампанское, а народъ голодаетъ. Она по минутно требуетъ къ отвѣту министровъ, потому что въ Арзамасѣ два жандарма непочтительно обошлись съ депутатомъ. На аграрныхъ понедѣльникахъ она судитъ Потемкина и Екатерину II и съ уваженіемъ говоритъ о Стенькѣ Разинѣ, вообще о тѣхъ счастливыхъ временахъ, когда архіереи сбрасывали съ колоколни, а баръ поголовно истребляли. Она рассказываетъ анекдоты изъ крѣпостного права, называетъ русскій судъ публичной женщиной, честитъ русскую армію и старается узнать подъ рукою, нѣтъ ли у Столыпина въ кармаиѣ приказа о ея роспускѣ. Говорятъ, что она работаетъ въ комиссіяхъ. Мы каждый день слышимъ, что вотъ скоро оттуда косыплются плоды ея трудовъ. Но дни проходятъ, а плоды ея все не готовы, и на трибунѣ все тѣ же разговоры о каторжникахъ, о томъ, что солдаты оказываютъ вооруженное сопротивленіе взбунтовавшимся арестантамъ.“

О томъ, какъ занята Дума, можно судить уже по тому, что она собирается на-дняхъ поговорить о прошлогоднемъ Сѣдлецкомъ погромѣ. А тамъ Богъ дастъ дойдетъ дѣло и до Кишиневскаго. На это у Думы время есть. Но вотъ для бѣдствующихъ переселенцевъ, которыхъ гонятъ въ Сибирь не преступленіе, а горькая нужда, у нея свободной минуты не нашлось. Тамъ гдѣ-то далеко, однако ближе Акатуевской тюрьмы, катится волной это мужицкое горе, везутъ въ скотскихъ вагонахъ не арестантовъ, а кормильцевъ русской земли, и эти оборванные, голодные кормильцы ждуть подъ открытымъ небомъ, чтобы ихъ везли дальше, продаютъ послѣдній свой скарбъ, мокнутъ подъ дождемъ, болѣютъ. Тамъ мрутъ, какъ мухи, дѣти, но въ Думѣ запросовъ объ этомъ не дѣлаютъ. Объ этомъ вопіющемъ, самомъ неотложномъ изъ всѣхъ неотложныхъ дѣлъ она и не вспомнила. До того ли ей, когда Рижскіе, Кавказскіе и другіе мученики терзаютъ ей душу. Есть ли ей время думать о переселенцахъ.

Впрочемъ нѣтъ: она вспомнила и о нихъ. Она хлопочетъ, чтобы киргизы не пускали ихъ къ себѣ и гнали вонъ. Бѣдныхъ киргизовъ тѣснить нельзя, гораздо про-

ще отнять землю у русских помещиков *). А министрам тоже не до того: они отвѣчают на запросы и сносятся телеграммами съ Акатуевской тюрьмой, чтобы доложить народнымъ представителямъ, были ли кровоподтеки у политическихъ послѣ свалки съ конвойными, и кого изъ нихъ солдатъ ударилъ въ свалкѣ прикладомъ.

Г. Дума занята важнымъ вопросомъ, сколько было градусовъ мороза, когда Спиридонову перевозили въ другую тюрьму, а сколько было градусовъ, когда спали на голой землѣ мужики и бабы съ ребятами, кому до этого дѣло? И что до нихъ Дума? Вѣдь это не аграрники, они не жгли помещичьихъ усадебъ, они просто переселенцы“.

О политическихъ убійствахъ та же г. Смирнова говоритъ:

„Дума не говоритъ прямо, что политическіе убійцы ей нужны, какъ драгоценные сотрудники. Она говоритъ только о невыносимыхъ страданіяхъ убійцъ, которыя она должна облегчить. И единственное средство для этого—выпустить ихъ на свободу. Ей не приходится въ голову, что есть еще одно средство, и самое вѣрное—не убивать людей. Если бы убійцы попробовали его, ихъ невыносимыя страданія облегчились бы сразу.

*) А сколько земли у киргизовъ выяснилъ одинъ правый депутатъ:

„О пространствахъ, входящихъ въ составъ степныхъ областей, трудно судить по обыкновеннымъ земледѣльческимъ мѣстностямъ; не только такія области, какъ Акмолинская и Семипалатинская, но и отдѣльные уѣзды часто превышаютъ по своимъ размѣрамъ нѣсколько губерній Европейской Россіи. По даннымъ всеподданнѣйшаго отчета за 1895 г., площадь Акмолинской области равняется 479,200 кв. верстъ. Между тѣмъ, площадь 10 черноземныхъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской, Рязанской, Тульской и Пензенской—опредѣляется въ 424,285 кв. верстъ. Въ одномъ Акмолинскомъ уѣздѣ считается 198,960 кв. верстъ, а въ пяти губерніяхъ—Курской, Орловской, Тульской, Пензенской и Рязанской только 180,056 кв. верстъ. Кокчетавскій уѣздъ считается одною изъ малозначительныхъ по пространству мѣстностей и однако оказывается болѣе каждой изъ перечисленныхъ выше губерній въ отдѣльности, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Тульскую, превышаетъ въ 2½ раза.“

Если принять въ соображеніе, что такой же характеръ, какъ Степная область, имѣютъ еще области Семирѣченская и Семипалатинская, то мы придемъ къ выводу, что въ Степномъ краѣ имѣется громаднѣйшій запасъ свободныхъ земель. Здѣсь ссылались, что переселеніе въ Степной край должно быть прекращено, такъ какъ оно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія киргизовъ. Я отвѣчу на такія притязанія инородцевъ ссылкой на Соединенные штаты. Въ Сѣверной Америкѣ правительство не допускаетъ, чтобы миллионы десятинъ земли пропадали втуне при первобытной культурѣ кочевниковъ. Оно отвело нѣкоторый фондъ для обезпеченія индѣйцевъ, а всѣ остальные земли предоставило на нужды переселенцевъ.

Вотъ, примѣръ, на Выборгской сторонѣ какіе-то неизвѣстные негодяи застрѣлили на-дняхъ городского. Подошли, предложили ему какой-то вопросъ и убили его. Страданія этихъ негодяевъ, если-бъ они были пойманы, не могутъ возбудить ни малѣйшаго сочувствія. Не такъ смотритъ Г. Дума. Она именно скорбитъ о негодяхъ. Это ничего, что они звѣрски убили какого-то бѣдняка, но они такъ страдаютъ, когда ихъ посаждать въ тюрьму! У нихъ тамъ мало свѣта и воздуха. А тотъ несчастный, котораго они совсѣмъ лишили свѣта и воздуха, который кормилъ семью и оставилъ ее въ нищетѣ? Ну, что-жъ, говорятъ, и это ничего, „лѣсъ рубятъ, щепки летятъ“. Вѣдь, это было не простое убійство, а „идейное“. Идейность же его заключается въ томъ, чтобы истребленіемъ полицейскихъ на постахъ, нагнать на нихъ панику. И ради этого летятъ не щепки, а живые люди, чьи то стцы, мужья, сыновья, но это входитъ въ планъ террористовъ, которые требуютъ амнистіи... для себя. Это одно изъ тѣхъ убійствъ, которое кадеты называютъ „фанатическимъ преслѣдованіемъ собственныхъ идеаловъ“. А обыкновенные мирные обыватели считаютъ гнусностью, на которую способны только звѣриныя сердца нашихъ „освободителей“.

Въ Москвѣ одна дама рассказываетъ, какъ она часто видитъ изъ окна смѣну городскихъ. Одинъ изъ нихъ, становясь на посту, снимаетъ шапку и крестится на всѣ четыре стороны. Его же она видѣла нѣсколько разъ благословлявшимъ своихъ маленькихъ дѣтей. Человѣкъ становится на убой. Это хуже, чѣмъ на войнѣ, потому что тамъ онъ погибнетъ не безсмысленно, какъ защитникъ государства, т. е. чего то великаго и святого для него, что зовется родиной. онъ знаетъ, наконецъ, гдѣ врагъ, откуда ждать его, какъ съ нимъ бороться, а тутъ подойдетъ какой-нибудь звѣрь изъ тѣхъ, что позорятъ русскую землю, и въ упоръ разстрѣляетъ его, а потомъ, спасая свою драгоценную жизнь, еще кого-нибудь пристукнетъ по дорогѣ и благополучно удеретъ.

Еще одинъ свой долгъ суровый
Исполнилъ честно и убить...

И вотъ на площади лежитъ...

А Г. Дума хочетъ, чтобы мы этихъ звѣрей жалѣли. У ней нѣтъ жалости къ тѣмъ, кто растерзанъ ими. Она оплакиваетъ не жертву, а палача. И это понятно. Думскіе палачи оплакиваютъ своихъ. Вотъ какую телеграмму они получили недавно. «Мы требуемъ отмены смертной казни для всѣхъ, оставляя ее въ силѣ для господъ министровъ и черносотенныхъ депутатовъ, Пуришкевича и Крушевана“. Кто осмѣлился бы послать въ Думу такую телеграмму, если бы не зналъ, что найдетъ тамъ единомышленниковъ?

Подъ разными громкими названіями фракцій тамъ укрываются просто палачи русскаго народа. И всѣ ихъ фракціи можно бы слить въ одну--фракцію государственнаго разбоя. Одна изъ нихъ посягнула даже на цареубійство.

Это самая откровенная фракція въ Думѣ. Другія карты не открываютъ, а дѣйствуютъ втихомолку. Говорятъ о милосердіи, о погибающихъ молодыхъ жизняхъ, отмѣняютъ уже отмѣненные полевые суды, но осужденіе террора называютъ ловушкой правыхъ и втайнѣ вздыхаютъ о тѣхъ временахъ, когда можно будетъ вѣшать министровъ и черносотенцевъ. Конечно, не ихъ министровъ, ихъ министры сами будутъ вѣшать.

И отъ этихъ людей ждуть осужденія убійцамъ! Да они ихъ благословляютъ и не всегда даже могутъ скрыть это. Депутатъ Бакунинъ публично выразилъ сожалѣніе, что не можетъ пожать руку убійцѣ графа Игнатьева. Самъ предсѣдатель Г. Думы боролся въ земскомъ собраніи, чтобы не посылали телеграммы съ выраженіемъ негодованія по поводу этого убійства. Съ какими глазами они будутъ теперь осуждать то, чему они сочувствуютъ?

Въ этой партіи, облыжно именующей себя партіей народной свободы, нашелся только одинъ человѣкъ, къ сожалѣнію имя его неизвѣстно, который сказалъ великую, а для своей партіи и жестокую правду. На избирательномъ собраніи въ Гроднѣ онъ обратился къ бундистамъ съ слѣдующими словами.

„Когда царь Давидъ хотѣлъ построить храмъ Господу Богу, Господь ему сказалъ черезъ Своего пророка: „Ты пролилъ слишкомъ много крови человѣческой, а потому не можешь строить Миѣ храма, его построить твой сынъ“. Г. Дума—это храмъ народной свободы и не вамъ, бундистамъ, строить его. Вы тоже пролили слишкомъ много крови человѣческой,—попасть въ Думу могутъ лишь ваши дѣти“.

За то, что русскій народъ забылъ эту правду, нѣтъ мира и успокоенія въ его странѣ. Духъ мира и правды отлетѣлъ отъ нея. Не окровавленнымъ рукамъ убійцъ и насильниковъ строить новый храмъ для Россіи. Не ими создано русское государство, не имъ и обновить его“.

С. Смирнова.

Оффиціальная хроника Енисейской епархіи.

Отъ совѣта Красноярскаго епархіальнаго женскаго училища.

Согласно циркуляра Св. Синода отъ 20 марта 1907 года за № 1719 (Церк. Вѣдомости № 12) весной настоящаго года въ епархіальномъ училищѣ производились экзамены. Экзаменамъ подвергались тѣ воспитанницы, которыя имѣли по предметамъ училищнаго курса баллы ниже 4. Таковыхъ оказалось слѣдующее количество по классамъ: для I-го класса 19, для II-го 15 и для III-го 21.

Перешли безъ экзаменовъ, т. к. имѣли кругомъ

баллы не ниже 4, 58 воспитанницъ всѣхъ классовъ.

Удовлетворительно выдержали испытанія слѣдующія воспитанницы III класса: Подкопаева В., Зеленецкая А., Иоакиманская, Заводовская, Коновалова Е., Климовская В., Климовская Е., Климовская О., Описимова К., Прокопьева, Попова М., Санковская А., Тыжнова А., Тыжнова Е., Малкова М., Соколова, Оомина.

Перезкзаменовки имѣютъ держать слѣдующія воспитанницы III-го класса: Сырцова М. по словесности, исторіи, физикѣ и ариметикѣ; Тархова Е. по словесности и исторіи; Катанова Ю. по словесности; Силина М. по словесности.

Остальныя воспитанницы III-го класса перешли въ слѣдующій классъ безъ всякихъ испытаній.

Изъ II-го класса удовлетворительно выдержали испытанія слѣдующія воспитанницы: Воздвиженская, Буянова, Новочадовская Е., Попова А., Кайдалова Ф., Суховская Л., Торопова, Яковлева, Чистякова, Щербакова.

Перезкзаменовки имѣютъ держать слѣдующія воспитанницы II-го класса: Баркова З., по славянскому языку; Евтихьева В. по славянскому языку; Тыжнова Марѳа, по ариметикѣ; Тыжнова В. по славянскому языку; Пушкарева по русскому языку.

Остальныя воспитанницы II-го класса перешли въ слѣдующій классъ безъ экзаменовъ.

Изъ I-го класса удовлетворительно выдержали испытанія слѣдующія воспитанницы: Баженова, Баркова Е., Копейкина, Описимова, Силина, Миронова, Тыжнова Н.

Перезкзаменовки имѣютъ держать слѣдующія воспитанницы I-го класса: Ермолаева по ариметикѣ; Евтюгина Р. по славянскому языку; Красноѣва П. по ариметикѣ; Москвина по арием. и славянскому языку; Рождественская А. по славянскому языку; Рачковская Е. по славянскому языку; Рачковская М. по русскому и славянскому языку; Рачковская З. по ариметикѣ; Рекунова по арием.; Токарева по русскому языку.

Воспитанница *Кручинина*, какъ получившая почти по всѣмъ предметамъ за годъ и на экзаменахъ неудовлетворительные баллы, оставляется на повторительный курсъ въ томъ же классѣ. Воспитанница *Юшкова*, по неизвѣстной причинѣ неявившаяся къ экзаменамъ, благоволилъ явиться къ таковымъ осенью, равно какъ и воспитанница *Евтихьева*, заболѣвшая ко времени экзаменовъ. Остальныя воспитанницы I класса перешли въ слѣдующій классъ безъ экзамена.

По постановленію Совѣта Епархіальнаго училища, утвержденному Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Евѳиміемъ, воспитанницы, имѣющія перезкзаменовки, являются въ училище къ 16 августа, а перешедшія безъ экзаменовъ къ 25 числу того же августа мѣсяца.